
ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ

А. А. Зилин

Когда задумываешься о развитии советского источниковедения, то прежде всего приходишь к выводу, что наиболее значительных успехов в этой области достигли, пожалуй, исследователи-медиевисты, занимающиеся историей Древней Руси. Именно их трудами изданы капитальные публикации русских летописей, текстов Русской Правды и Судебников, серийные публикации русских актов, памятники общественной мысли и многие другие. Капитальные труды М. Н. Тихомирова и Л. В. Черепнина¹ открыли целую серию исследований памятников древнерусской письменности. Эти работы смыкаются с теми разысканиями, которые ведут и историки литературы Древней Руси. Много нового дало и развитие специальных дисциплин, помогающих труду историка. Это относится и к исторической географии (работы В. К. Яцунского, А. Н. Насонова и др.), нумизматике (работы И. Г. Спасского, В. Л. Янина и др.), дипломатике (работы С. Н. Валка, С. М. Каштанова и др.).

Все эти большие успехи были достигнуты в результате того, что советские историки, опирающиеся на прочную историографическую традицию, смогли создать совершенно новый методологический подход к исследованию источников, основанный на марксистско-ленинском, материалистическом понимании исторического процесса.

Теперь, когда марксизм сделался прочной методологической основой советского источниковедения, когда так или иначе изданы

¹ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.—Л., 1941; Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1—2. М.—Л., 1948—1951.

чуть ли не все важнейшие группы источников по истории Руси до конца XV в., а материалы следующего столетия во всяком случае известны, и по всем сложным источниковедческим проблемам существует большая литература, возникает вопрос: не находимся ли мы накануне того периода, когда можно сказать, что все более или менее существенное в источниковедении Древней Руси уже позади и в дальнейшем развитие науки сведется к уточнениям сделанных ранее наблюдений? Такое впечатление было бы, на наш взгляд, глубоко ошибочным.

Если обратиться к специальной литературе, то сначала озадачивает существование множества подчас взаимоисключающих представлений по многим источниковедческим проблемам. Так, некоторые исследователи датируют время возникновения основного свода древнерусских законов — Пространную Правду — началом XII в.², другие относят эту дату на начало XIII в.³ Повесть о Шемяке Черепнин связывает с событиями XV в., а другие исследователи — с серединой XVII в.⁴ Хронологический диапазон представлений об эпохе, породившей Слово о полку Игореве, еще более широкий. Если большинство исследователей датирует памятник концом XII в., то имеются ученые, которые предлагают середину XIII в. в качестве даты «Слова»⁵, XV—XVI вв.⁶ и даже XVIII в. Споры велись и о подлинности некоторых древнерусских актов⁷. Нет в литературе согласованного мнения о том, широко ли пользовался В. Н. Татищев в своем изложении не дошедшими до нас летописями (Б. А. Рыбаков, А. Г. Кузьмин) или же он наряду с известными нам памятниками включал в текст

² С. В. Юшков. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950, стр. 344; А. А. Зимин. Феодалная государственность и Русская Правда.— «Исторические записки», т. 76, стр. 262—264; «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. I. М., 1966, стр. 569.

³ М. Н. Тихомиров. Исследование о Русской Правде, стр. 229; Л. В. Черепнин. Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда.— В кн.: А. П. Новосельцев и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965, стр. 276 и сл.

⁴ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960, стр. 800—801; И. П. Липицкий. Повесть о суде Шемяки и судебная практика второй половины XVII в.— «Труды ОДРЛ», т. VI. М.—Л., 1948.

⁵ Л. Н. Гумилев. Монголы XIII в. и «Слово о полку Игореве». — Географическое общество СССР. Отделение этнографии. Доклады отделения этнографии, вып. 2. Доклады 1962—1965 гг. Л., 1966.

⁶ В. В. Виноградов. История русского литературного языка в изображении акад. А. А. Шахматова.— «Филологический преглед». Белград, 1964, № 3—4, стр. 77; он же. Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры.— «Вопросы языкознания», 1968, № 1, стр. 3.

⁷ С. Н. Валк. Начальная история древнерусского частного акта.— «Вспомогательные исторические дисциплины». Сборник статей. М.—Л., 1937; М. Н. Тихомиров. О частных актах в Древней Руси.— «Исторические записки», т. 17.

«Истории Российской» свои собственные рассуждения вместо достоверных исторических источников (С. Л. Пештич)⁸. Число подобных примеров можно значительно увеличить.

Конечно, в ряде случаев мы сталкиваемся с серьезными трудностями, объясняющимися спецификой сохранившихся источников, и многозначность решений оправдана. Но очень часто различные толкования конкретного материала объясняются просто — на просто несовершенством методики исследователей. Никакая наука не может существовать без тщательно разработанной методики. И, возможно, дальнейший прогресс источниковедения будет зависеть прежде всего от совершенствования приемов анализа памятников прошлого. Задачей настоящей статьи является обратить внимание исследователей на некоторые трудные вопросы источниковедения древнерусских памятников.

Если посмотреть на развитие отечественного источниковедения с точки зрения совершенствования приемов исследования, то его историю можно условно разбить на три периода.

В первый период распространено было, если так можно выразиться, «источниковедение факта». В основу исследования брался один какой-нибудь памятник, который и рассматривался по возможности всесторонне. Источниковедение как особая отрасль исторической науки в России получило развитие с конца XVIII — начала XIX в. и связано с выходом в свет трудов А. Л. Шлецера о Несторе-летописце⁹, А. Н. Оленина — о тмутараканском камне¹⁰ и Е. Болховитинова — о грамоте князя Мстислава XII в.¹¹ Исследовались, как мы видим, в первую очередь уникальные памятники, по происхождению принадлежащие к древнейшим. Широко применялись приемы внешней (палеографической) и дипломатической критики памятника: источниковедение и специальные (вспомогательные) дисциплины еще не имели строго очерченных самостоятельных вопросов исследования. Позднее появились специальные источниковедческие труды, посвященные группе однотипных памятников (например, В. О. Ключевского о житиях святых, С. Ф. Платонова о публицистических сочинениях времени

⁸ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. [М., 1963]; А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1 [Л.], 1961.

⁹ А. Л. Шлецер. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке, ч. 1—3. СПб., 1809—1819.

¹⁰ «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском, найденном на острове Тамане в 1792 году. С описанием картин, к нему приложенных». СПб., 1806.

¹¹ «Примечания на грамоту великого князя Мстислава Владимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную Новгородскому Юрьеву монастырю». — «Вестник Европы», 1818, № 15 и 16, стр. 201—255.

«Смуты»). Но и в этом случае каждый источник, как правило, изучался сам по себе, а вся работа в целом складывалась из суммы источниковедческих разысканий по отдельным памятникам.

При решении собственно источниковедческих вопросов был наиболее распространенным метод рационалистической критики: он вошел в науку вместе с другими достижениями XVIII в.— века просвещения и рационализма. В случае многозначности решений выбиралось то, которое подкреплялось большим числом логических аргументов и отвечало «здравому смыслу» автора.

«Источниковедение факта» явилось значительным шагом вперед в подготовке доброкачественной базы исторического исследования. Оно ставило первые барьеры описательному и некритическому использованию источников в трудах историков. Однако в нем заложены были и серьезные недочеты. «Здравый смысл» исследователя XIX в. иногда сталкивался с психологией составителей древнерусских памятников и выходил «победителем» подчас за счет модернизации явлений далекого прошлого. Шлецер, например, «очищал» Нестора от «басен», которые якобы добавили позднейшие невежды к труду этого гениального летописца. М. Т. Каченовский просто признавал подложным целый ряд памятников, не соответствовавших его взглядам на уровень развития Древней Руси.

При изолированном исследовании отдельного факта или источника возникали и другие существенные, порой непреодолимые трудности. Так, значительное большинство древнерусских памятников сохранилось не в автографах его составителей, а в поздней рукописной традиции, которая является показателем не просто позднейшей «порчи» текста, а результатом его дальнейшей, подчас очень сложной, истории¹². Это кардинальное положение фактически до конца XIX в. (до работ А. А. Шахматова) не было теоретически осмыслено. А отсюда задача реконструкции первоначального, авторского текста и изучения его развития не была поставлена¹³ или подменялась составлением мозаики «сводного» текста.

Но если говорить о летописи, то один источник (скажем, Лаврентьевская летопись), по существу говоря, является целым комплексом памятников со сложной историей и взаимосвязями, начиная с «Повести временных лет» и кончая XIV в.

Изолированное рассмотрение одного источника приводит к серьезным просчетам и тогда, когда берется один из документов

¹² Подробнее об этом см.: Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962, стр. 35 и сл.

¹³ Подробнее об этом см.: А. А. Зимиин. О приемах научной реконструкции исторических источников X—XVII вв.— «Исторический архив», 1956, № 6; Д. С. Лихачев. К вопросу о реконструкциях древнерусских текстов.— Там же, 1957, № 6.

массового характера с устойчивым формуляром (например, акт). В данном случае архаические особенности формуляра могут быть приняты за действующие, а отсюда вытекают и ошибочные выводы. Так, в данных грамотах XVI в. встречается формула передачи земли «по ка места топор и коса и соха ходила». Изучая изолированно одну из подобных грамот, можно сделать вывод, что земельные владения в XVI в. не имели четко выраженных границ. Это, однако, неверно: границы земель Северо-Восточной Руси были уже устойчивы; они зафиксированы в писцовых книгах и в «отводных» грамотах. Формула о топоре, косе и сохе к этому времени уже устарела, была анахронизмом, восходя к далекому прошлому. Она появилась к концу XIV в. в обстановке колониационного процесса, освоения новых земель, в период распространения подсечной системы земледелия (отсюда упоминание наряду с сохой топора и косы).

Второй этап развития отечественного источниковедения относится к концу XIX— началу XX в. и связан в первую очередь с трудами Шахматова в области русского летописания. Шахматовым была создана по существу новая методика источниковедения, которая опиралась уже не на отдельные факты (источники), а на их систему, являясь, условно говоря, «источниковедением системы фактов».

Метод Шахматова оказал огромное плодотворное влияние на развитие советского источниковедения. Приемами его исследования широко пользуются такие крупные специалисты в области летописания, как М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др. Методика Шахматова с успехом применялась и при исследовании памятников публицистики, имевших длительную текстологическую историю. Для законодательных и актовых памятников неоднократно использовал шахматовские приемы хронологического расчленения источника Черепнин. Наконец, и за рубежом наиболее значительные труды по древнерусским литературным произведениям написаны исследователями, отдающими дань уважения методу Шахматова. В первую очередь здесь хочется назвать обстоятельные труды Л. Мюллера¹⁴.

Поставив перед собой ту же задачу, что и Шлецер, — восстановить первоначальный текст «Повести временных лет», — Шахматов решил ее совершенно иными средствами. Он привлек к исследованию все известные в то время летописные тексты и ввел в научный оборот множество новых. Позднее в этой связи

¹⁴ L. Müller. Neuere Forschungen über das Leben und die kultische Verehrung der Heiligen Boris und Gleb.—«Opera Slavica», Bd IV. Slawischen Studien zum V. Internationalen Slawistenkongreß in Sofia 1963. Göttingen, 1963, S. 295—317; L. Müller. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962.

М. Д. Приселков писал: «Гипотеза имеет ценность в связи с тем, захватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов. Одной из самых поучительных сторон работ А. А. Шахматова в области летописания является именно вовлечение в изучение всех имеющихся летописных списков и построение гипотез, захватывающих в своем объяснении весь этот материал»¹⁵.

Идя от поздних летописей к более ранним (порой недошедшим до нас в первоначальном виде), сопоставляя летописные сведения с известиями других сохранившихся памятников, Шахматов показал, что русское летописание представляет собой как бы разветвленное дерево с богатой и сложной кроной, напоминающей чем-то древо индоевропейских языков. Филологическая школа во многом определила подход Шахматова к летописанию. В этих построениях объяснение конкретного факта зависело уже не только от него самого, а и от того, в какую систему он входил. Так, если большинство фактов объяснялось наиболее убедительно одной какой-нибудь гипотезой, то и в истолковании остальных фактов Шахматов опирался именно на эту гипотезу, хотя они могли быть объяснены (подчас даже лучше) и другими предположениями. Следовательно, уже сама система фактов становилась одним из критериев выбора способов объяснения отдельных ее элементов. Конечно, этот прием, имеющий только вероятностное значение, мог бы быть оправдан лишь при соблюдении хотя бы одного из двух условий: 1) необратимости сопоставлений, т. е. если из них вытекает лишь единственно возможный вывод о соотношении источников; 2) если в распоряжении исследователя множество наблюдений, каждое из которых имеет объяснение (вероятностное, но обязательное) через генерализирующую гипотезу. В последнем случае как бы вступал в силу «закон больших чисел». Не учитывая этого важнейшего обстоятельства, некоторые последователи Шахматова, оперируя всего несколькими фактами, создают гипотезу, при помощи которой они стремятся разъяснить темные свидетельства других источников. Это серьезная ошибка, ибо если фактов недостаточно, то, как правило, построить можно не одну, а несколько систем их объяснения, откуда любая из них будет лишена того определяющего значения, которое она имела в работах Шахматова. А отсюда появляется возможность для разного рода «романтических» интерпретаций хода летописного дела.

Позднее многие исследователи вносили те или иные коррективы в построения Шахматова, исправляли и уточняли датировку отдельных гипотетических сводов. Но при всем большом значении этих работ в них часто не учитывалось главное в шахматовской методике, а именно: то, что объяснение конкретного факта

¹⁵ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 13.

должно опираться в общей схеме не только на интерпретацию его самого, а прежде всего на объяснение всей системы фактов. Поэтому часто в схему Шахматова можно внести какие-либо существенные поправки только после пересмотра, переоценки всей системы его аргументации, всех приведенных им (а может быть, и не учтенных им) фактов. Да и в этом случае если следовать только методике Шахматова, то получится, что одной системе фактов будет противопоставлена другая, пусть несколько лучше объясняющая их, но в общем идущая в том же направлении.

Методической основой построения гипотез А. А. Шахматова был логически-смысловой анализ текста¹⁶, применявшийся в какой-то мере еще Шлецером. Шахматов очень тонко находил вставки в летописном повествовании, считал, что текст первоначально должен быть более простым и лишь позднее мог осложняться работой различных сводчиков.

Однако чисто логическое источниковедение не всегда дает достаточно объективную и прочную базу исследования. Оно чревато двумя серьезными недочетами: модернизацией мышления древнерусского писателя и субъективизмом исследователя. Шахматов создавал свою схему древнерусского летописания, в значительной степени исходя из представлений человека конца XIX—начала XX в. о логике исторического повествования. Оба недочета в какой-то мере находили у Шахматова его оппоненты. Так, И. П. Еремин в свое время писал, что Шахматов недостаточно учитывал особенности художественного и исторического мышления летописца и поэтому находил противоречия в летописном изложении там, где их по существу не было. Еремин полагал, что «художественные „загадки“ летописного повествования носят характер внутренне закономерной системы и, следовательно, могут и должны рассматриваться как исконное свойство „Повести временных лет“, как прямое отражение своеобразной „неевклидовой геометрии“ его, летописца, не только исторического, но и художественного мышления, его стиля»¹⁷. Но односторонность шахматовского метода еще не давала никаких оснований для того, чтобы его перечеркивать, как фактически делали его оппоненты.

Совсем недавно вопрос о специфике художественных особенностей древнерусской литературы стал темой оживленной дискуссии. В ее ходе Лихачев защищал представление о древнерусской литературе как абстрагирующей, идеализирующей действительность. Это, по его мнению, литература традиционная, строящаяся

¹⁶ Д. С. Лихачев. Шахматов как исследователь русского летописания.— «Труды комиссии по истории Академии наук СССР, вып. 3. А. А. Шахматов. 1864—1920. Сборник статей и материалов». М.—Л., 1947, стр. 266; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 17.

¹⁷ И. П. Еремин. Литература Древней Руси. М.—Л., 1966, стр. 97.

на условных формах¹⁸. Возражая ему, Лурье отрицал наличие «прямой противоположности» между древним и новым искусством при всех существующих между ними различиях¹⁹.

Вопрос этот очень сложный, но он поставлен самой жизнью. Без дальнейшего изучения философских и религиозных представлений Древней Руси, без исследования специфики мышления того времени в целом, конечно, исследовать памятники древнерусской письменности очень трудно. Задача эта пока, к сожалению, остается нерешенной.

Существует и еще одна опасность при использовании метода логического анализа источников — субъективизм интерпретации текста. Сам Шахматов это отлично понимал. В предисловии к своему фундаментальному труду о древнерусских летописных сводах он писал: «Я хорошо сознаю субъективность многих из моих „ученых доводов“ и понимаю, что достоянием науки добытые выводы могут стать только после всесторонней оценки их другими исследователями»²⁰. Указывали на эту слабость методики Шахматова и некоторые его оппоненты. Разбирая тексты «Повести временных лет», которые Шахматов признавал вставочными, В. М. Истрин делал заключение, что «исходным пунктом для признания той или другой вставки является исключительно субъективное понимание каждого отдельного летописного рассказа. Но такое субъективное понимание текста, соединенное с особенным стремлением видеть чуть ли не на всякой странице позднейшую вставку, естественно, вызывает возражение, и мы видели, что во всех случаях нет никаких оснований видеть какие-либо противоречия, которые указывали бы на наличие позднейших вставок»²¹.

Сейчас нет надобности останавливаться на том, был ли прав Шахматов или Истрин в каждом конкретном случае. Для нашей цели важно указать на опасность субъективной интерпретации текста. В наиболее отчетливой форме она выступает в работах Г. М. Бараца, посвященных памятникам Древней Руси. Путем вычленения всевозможных вставок, произвольного исправления текста, перестановкой отдельных фраз Барацин пытался доказать совершенно надуманный тезис об определяющем влиянии на древнерусские летописи, Русскую Правду, акты и повести памят-

¹⁸ Д. Лихачев. В чем сущность спора о реалистичности в древнерусской литературе? — «Русская литература», 1965, № 2, стр. 63.

¹⁹ См. Я. Лурье. Древнерусская литература и наши «представления о прекрасном». — «Русская литература», 1965, № 4, стр. 10.

²⁰ А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. VII—VIII.

²¹ В. Истрин. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи. — «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXVI. Пг., 1923, стр. 61.

ников древнееврейской письменности²². Конечно, с подобным субъективистским подходом метод Шахматова по самой своей сути уже ничего общего не имел.

Самому Шахматову было тесно в рамках чисто логического подхода к летописям. Поэтому он использовал и другие приемы исследования (сопоставление хронологических данных, лингвистическую интерпретацию и т. п.). Очень важно было и то, что Шахматов подходил к пониманию политической направленности деятельности летописцев. «...Рукой летописца,— писал он,— управляли политические страсти и мирские интересы»²³. Но при всем этом логический анализ у Шахматова доминировал.

Если Шахматов изучал летописные памятники, то А. С. Лаппо-Данилевский предложил новую методику исследования актов. Общим для обоих ученых была попытка изучить источник не изолированно, а в определенной системе. Но существовала и очень отчетливо выраженная разница. Шахматов подходил к летописям исторически, рассматривая их в движении. Для Лаппо-Данилевского первостепенное значение имела форма документа, которую он отрывал от содержания акта. При помощи «графически-статистических таблиц» он предлагал изучать типический формуляр той или иной разновидности акта, т. е. «как бы средний вывод из известного числа наблюдений над формулярами отдельных актов»²⁴. Лаппо-Данилевского интересовало развитие этих формуляров во времени, но конкретно-историческая действительность очень часто оставалась за пределами исследования этого ученого.

Третий этап в развитии древнерусского источниковедения представлен трудами советских ученых. Согласно новому подходу к источникам, основанному на марксистском понимании исторического процесса, они сами по себе являются фактами истории, и их появление обусловлено социальными, политическими, идеологическими условиями эпохи. При этом те или иные памятники создаются не только и не столько для потомков (как собственно исторические источники), сколько в качестве средства активного влияния их творцов на ход событий той эпохи. Такое отношение к источнику позволило органически включить его в историческую реальность прошлого в качестве элемента определенной системы отношений, взаимосвязанного с общественной средой и обусловленного ею.

²² Г. М. Бар а ц. О составителях «Повести временных лет» и ее источниках, преимущественно еврейских. Собрание трудов по вопросу о еврейском элементе в памятниках древнерусской письменности, т. II. Берлин, 1924; он же. Собрание трудов, т. I. Париж, 1927.

²³ А. А. Ша х м а т о в. Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916, стр. XVI.

²⁴ А. С. Ла п п о - Д а н и л е в с к и й. Очерк русской дипломатики частных актов. Лекции, читанные слушателям «Архивных курсов» при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920, стр. 146.

Применение марксизма к источниковедению позволило определить классовую сущность и политическую направленность важнейших исторических источников прошлого, в первую очередь летописей, публицистических сочинений, актовых материалов. Плодотворным оказалось изучение истории текста Русской Правды в тесной связи с городскими и крестьянскими движениями Киевской Руси XI—XII вв. Всесторонне раскрыть развитие норм и историю текста этого памятника оказалось возможным только исходя из социально-экономического развития древнерусского общества.

Советские историки исходят из представления о том, что в источнике отражаются объективные процессы истории человеческого общества. Источник, как правило, синтетичен. Он является результатом взаимодействия различных аспектов деятельности и воззрений человека и требует поэтому всестороннего анализа. Да и одно и то же историческое явление отражается часто в различных группах источников, которые вследствие этого должны изучаться в совокупности. Поэтому источниковедение не укладывается в рамках одной какой-либо системы (логической, лингвистической, историко-правовой и т. п.), а должно являться своеобразной «системой систем».

Советское источниковедение явилось законным наследником того лучшего, что выработали ученые в предшествующую эпоху. Стремление к всестороннему исследованию отдельных памятников (примечательная черта «источниковедения факта») теперь уже в свете опыта «источниковедения системы» превращается в необходимое условие многопланового анализа того или иного комплекса исторических источников. Конечно, в отдельных случаях и раньше историки обращались к правовой характеристике документа, литературоведы сопоставляли памятники письменности с шедеврами древнерусского искусства. Но это привлечение данных из смежных дисциплин еще не превращалось в обязательную норму источниковедческого анализа. Теперь же ясно, что путь построения новейшей методикой источниковедения проходит именно через стык наук. Осознание этого условия и привело к большим успехам советских ученых, занимающихся историей Древней Руси. Так, в исследовании законодательных и актовых источников XIV—XVI вв. Черепниним, Каштановым и Носовым широко сочетаются приемы исторического и правового анализа. Благодаря этому им удалось более глубоко понять особенности процесса создания единого Русского государства. А. И. Клибанов рассматривает памятники общественной мысли XIV—XVI вв. в тесной связи с историей русской и европейской религиозно-философской мысли²⁵. Историко-философский подход в его исследова-

²⁵ А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960.

нии сочетается с тщательной текстологической интерпретацией памятников Древней Руси. Это позволило исследователю раскрыть закономерности и специфические особенности русского реформационного движения. Н. Н. Воронин и Д. С. Лихачев широко сопоставляют литературные источники и памятники древнерусского искусства. В работах Лурье историко-источниковедческие проблемы сочетаются с литературоведческим анализом произведений русской публицистики конца XV—XVI в. ²⁶

Анализ списков новгородских посадников в сочетании с археологическими источниками и особенно печатями позволил В. Л. Янину нарисовать картину сложной политической борьбы в Великом Новгороде ²⁷.

Русское летописание теперь изучается и как памятник общественной мысли, и как литературное явление ²⁸. История летописания уже не может быть построена в рамках одной только чисто логической системы. Нужны разные планы (или, условно говоря, «системы») анализа. Это осознавалось уже давно исследователями, вносящими коррективы в методику изучения древнерусского летописания, предложенную Шахматовым.

В 1930 г. Н. К. Никольский, формулируя принципы своего подхода к изучению «Повести временных лет», считал, что он «опирается главным образом на наблюдения над литературно-идеологической основой легендарных сказаний, мало освещенную А. А. Шахматовым». Никольский сопоставил «Повесть временных лет» с памятниками западнославянской литературы. В результате он дал иную, чем Шахматов, картину возникновения древнерусского летописания. Причины этого Никольский видел «в неодинаковых приемах оценки и изучения одного и того же материала» ²⁹.

Кроме исследования идейного смысла летописных сводов, необходимо тщательное рассмотрение и чисто литературных приемов изложения в этих памятниках, изменения их языковых особенностей, смены хронологических стилей ³⁰.

И при всем этом в настоящее время существует известное отставание в теоретической разработке методики исследования

²⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., 1960; «Повесть о Дракуле». Исследование и подготовка текста Я. С. Лурье. М.—Л., 1964.

²⁷ В. Л. Янин. Новгородские посадники. М., 1962.

²⁸ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение; И. П. Еремин. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946; то же в его кн.: Литература Древней Руси. М.—Л., 1966.

²⁹ Н. К. Никольский. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании.— «Сборник по русскому языку и словесности», т. II, вып. 1. Л., 1930, стр. 3, 27.

³⁰ Н. Г. Березжков. Хронология русского летописания. М., 1963.

древнерусских памятников. Накопившийся большой опыт все еще не обобщен. Правда, отдельные методические соображения разбросаны в конкретных монографических исследованиях, в многочисленных источниковедческих статьях, а также в серии обобщающих работ по отдельным видам источников, вышедших в Московском историко-архивном институте³¹. Но этого, конечно, недостаточно. Получилось так, что историков-медиевистов, внесших крупный вклад в развитие конкретного источниковедения, в разработке методики исследования источников обгоняют уже не только литературоведы-текстологи³², но и ученые, занимающиеся документами советской эпохи (см., например, обобщающие статьи С. И. Якубовской и В. П. Данилова, И. С. Смирнова, работы А. А. Курносова о методике исследования мемуаров по истории партизанского движения во время Великой Отечественной войны и др.)³³.

Необходимость в обобщении большого опыта работы медиевистов-русистов по изучению источников велика. Она возрастает еще и потому, что в их практике явственно обнаруживаются и серьезные дефекты. Так, Лурье совсем недавно писал о недопустимости «потребительского подхода» к источникам, когда из летописи или другого памятника берутся те сведения, которые по тем или иным причинам заинтересовали ученого, и отбрасываются (обычно без достаточного обоснования) известия, которые кажутся ему не заслуживающими внимания или просто ложными³⁴.

В ряде работ проявляется и недостаточная строгость в использовании разновременных памятников. Нередко для доказательства того или иного тезиса привлекаются любые источники, независимо от времени их создания, достоверности содержащихся в них сведений. Часто психологическим основанием для этого является сравнительно малое число древних источников и желание как можно больше расширить их количество. Приведем только один пример. Еще В. О. Ключевский отмечал трафаретность древнерус-

³¹ А. Ц. Мерзон. Таможенные книги XVII в. Учебное пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957; А. А. Зимин. Методика издания древнерусских актов. М., 1959; С. М. Каштанов. Очерки русской дипломатики. Автореферат докт. дисс. М., 1968, и др.

³² См., например, Д. С. Ляхчев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв.; С. Н. Азбелев. Текстология как вспомогательная историческая дисциплина.— «История СССР», 1966, № 4.

³³ В. П. Данилов, С. И. Якубовская. Источниковедение и изучение истории советского общества.— «Вопросы истории», 1961, № 5; И. Смирнов. Достоверные факты — основа исторического исследования.— «Коммунист», 1962, № 3; А. А. Курносов. Методы исследования мемуаров (Мемуары как источник по истории народного Сопротивления в период Великой Отечественной войны). Автореферат канд. дисс. М., 1965.

³⁴ Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия.— «Культура Древней Руси». М., 1966; ср.: Y. Lurja (Ya. S. Lur'e). Problems of Source Criticism (with Reference to Medieval Russian Documents).— «Slavik Review», 1968, vol. XXXII, № 1, p. 1—22.

ских житий³⁵. Многие из них к тому же были написаны в сравнительно позднее время и содержали риторические штампы вместо конкретных фактов. В последнее время эта точка зрения стала подвергаться пересмотру. Жития все чаще привлекаются исследователями как вполне достоверный исторический источник, иногда без достаточного источниковедческого обоснования. Это, в частности, сказалось и на обстоятельной книге И. У. Будовница о древнерусских житиях — последней работе покойного историка. Автор привлек огромный рукописный материал, позволивший исследователю тонко выявить социальный подтекст этого своеобразного и еще малоизученного вида источников. Ярко и разнообразно показано, что дают жития для истории монастырской колонизации. Но собственно источниковедческой стороне дела автор уделяет значительно меньше внимания, что приводит его в ряде случаев к излишней доверчивости по отношению к заведомо поздним памятникам. Так, Будовниц широко пользовался «Житием Лазаря Муромского» (жившего в XIV в.) и его «завещанием», хотя этот последний памятник был составлен в XVII в.³⁶ И это случай, к сожалению, не единственный. (Автор, например, широко использовал «Житие Стефана Махрищского», составленное через 150 лет после описанных в нем событий, и т. д.) Но даже используя жития, современные изображаемому в них лицам, следует иметь в виду, что в XIV—XV вв. «эмоционально-хаотическая риторика»³⁷ явно преобладала над передачей конкретного материала. Поэтому критическая проверка сведений памятников житийной литературы, отчленение бытовавших в то время штампов от следов действительных событий — задача, без разрешения которой древнерусские жития не могут в полной мере привлекаться к историческому исследованию.

Бывают случаи, когда в распоряжении исследователя действительно имеется настолько мало источников, что это делает просто невозможным однозначное решение вопроса. Тогда сосуществование различных гипотез отвечает естественному положению вещей. И, конечно, гораздо правильнее будет в подобных случаях признать факт многозначности решений, чем выбирать одно из них и объявлять его наиболее вероятным и даже единственным. Однако в литературе последнего времени не всегда, как нам кажется, четко различаются понятия «гипотеза», «догадка», «домысел». Выражения «возможно», «можно полагать», «не исключено»,

³⁵ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1874.

³⁶ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966, стр. 113—114. О датировке «Завещания» Лазаря см.: С. Н. Валк. Указ. статья, стр. 301.

³⁷ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 90.

«очевидно» не дают еще сами по себе оснований для допустимости того или иного предположения. Научным предположением или, в точном смысле слова, гипотезой можно признать не просто одно из возможных истолкований факта, а наиболее вероятное из них. И если у историков-древников под видом гипотезы нередко можно встретить малообоснованную догадку, то, думается, одна из причин состоит в стремлении объявить ту или иную преимущественно логическую систему объяснения источников единственно возможной (хотя бы сама система строилась на небольшом количестве фактов, допускавших различную интерпретацию). Это стремление в свою очередь облегчается внешней близостью к традициям шахматовской школы, а по существу является в той или иной степени отходом от метода Шахматова.

В этой связи не может не привлечь внимание книга «Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи», принадлежащая перу видного советского историка и археолога Б. А. Рыбакова, исследования которого о древнерусском ремесле и ряд других работ представляют собой значительный вклад в науку. В 1964 г. в связи с выходом в свет этой книги состоялась интересная дискуссия о характере историзма русского героического эпоса. В ходе ее были высказаны две точки зрения, резко отличные одна от другой. С одной стороны, В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов говорили о необходимости учитывать прежде всего художественную природу древнерусских былин при изучении особенностей отображения в них далекого прошлого; с другой — Рыбаков выступил защитником тезиса о том, что в образах былинных героев и в описании былинных событий следует видеть непосредственный отклик на конкретные факты истории Древней Руси. Обе постановки вопроса заслуживают внимания и нуждаются в обосновании. Проверка конкретных материалов должна решить, кто прав в этом споре. Сейчас важно отметить, что способ доказательства тезиса, предложенный Рыбаковым, не кажется нам удачным.

Исследуя былины «киевского цикла», Рыбаков поставил вопрос о необходимости более углубленного их сопоставления с летописными данными по истории Древней Руси. Исторический подход к древнерусскому героическому эпосу, безусловно, является важнейшим элементом изучения былин и исторических песен. Однако его конкретное осуществление в работах Рыбакова вызывает серьезные возражения со стороны не только фольклориста³⁸, но и историка. Дело заключается прежде всего в том, что Рыбаков не всегда учитывает специфику жанра былин. Зачастую он непо-

³⁸ В. Пропп. Об историзме русского эпоса (ответ академику Рыбакову).— «Русская литература», 1962, № 2; Б. Н. Путилов. Концепция, с которой нельзя согласиться.— «Вопросы литературы», 1962, № 11; он же. Об историзме русских былин.— «Русский фольклор», т. X. Специфика фольклорных жанров. М.—Л., 1966.

средственно отождествляет отдельные исторические события и имена, известные по летописям, с соответствующими именами героев былин и их полусказочными подвигами. При этом Рыбаков опирается не на всю совокупность записей той или иной былины и реконструкцию ее первоначального вида, а на отдельные, подчас произвольно выбранные им тексты. Отсутствует в его работе и анализ движения сюжета, соотношения записей былин и редакций. Предлагая вниманию читателя свою интерпретацию того или иного былинного текста, Рыбаков далеко не всегда подвергает разбору все другие истолкования сюжета, которые подчас являются не менее (а иногда и более) убедительными, чем построения этого исследователя. Это, как нам кажется, лишает выводы Рыбакова необходимой доказательности.

Приведем еще один пример, когда автор строит свою гипотезу без достаточно строгого соблюдения необходимых, предварительных условий. Речь идет о приемах анализа приписок к лицевым летописям, предложенных недавно С. О. Шмидтом³⁹. Стремясь обосновать новую датировку этих приписок, Шмидт предлагает их связать с публицистической «дуэлью», которую вели царь Иван Грозный и князь Андрей Курбский, Основной тезис автора сводится к тому, что приписки к Синодальному списку летописи были своеобразным ответом на «Историю о великом князе Московском» Курбского, (т. е. составлены они уже после 1573 г., не раньше которого Курбский написал свою «Историю»). Изменения, внесенные в Царственную книгу, были сделаны уже не только с учетом «Истории», но и «Отвещения» Курбского на второе послание царя⁴⁰. Сама по себе такая постановка вопроса вполне допустима. Но вот с методикой доказательств автора согласиться трудно.

У исследователя нет никаких данных предполагать наличие в распоряжении Ивана Грозного «Истории» Курбского (древнейшие рукописи ее датируются второй половиной XVII в.), и сам Шмидт не приводит убедительных данных на этот счет. Следовательно, в основе построения лежит не гипотеза, не факт, а всего лишь догадка. Шмидт стремится интерпретировать приписки, исходя преимущественно из их идеологической направленности, не уделяя должного внимания их текстологическому сопоставлению с другими памятниками (сочинения Грозного и Курбского). Из нескольких равнозначных объяснений фактов он останавливает свое внимание на тех, которые соответствуют его общему представлению о времени создания приписок. Наконец, решение реальных источниковедческих проблем Шмидт иногда склонен переносить

³⁹ С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времен Ивана Грозного.— «Советские архивы», 1966, № 2.

⁴⁰ Там же, стр. 46.

в область чисто психологических рассуждений (о свойствах неуравновешенной натуры царя Ивана). Эти приемы исследования не могут, на наш взгляд, привести к достаточно объективным выводам.

Высказывая эти соображения, мы имеем в виду не столько отдельные работы и их авторов, сколько определенные тенденции, к которым следует привлечь общее внимание в интересах развития нашей отрасли знания, нуждающейся в критической оценке своего состояния не менее, чем другие отрасли.

Всякий, кто обратится к работам Шахматова, может заметить примечательную сторону его исследований. В них почти нет полемики с предшественниками по конкретным вопросам. Шахматова нельзя заподозрить в том, что он по каким-либо посторонним науке причинам воздерживался от споров со своими коллегами. Нет, просто он писал в иной перспективе, чем они. Ему трудно было доказать в ряде конкретных случаев, что его гипотеза лучше, чем какая-либо иная, объясняет то или иное свидетельство летописи. Но у него было громадное преимущество перед предшественниками, состоявшее в том, что предложенная им гипотеза лучше других объясняла всю совокупность фактов.

Если сознательный отказ Шахматова от полемики с теми, кто стоял на позициях старого «источниковедения факта», можно объяснить и оправдать, то в настоящее время, когда историков-медиевистов объединяют единые методологические и методические принципы исследования, отказ от тщательного разбора всех точек зрения по рассматриваемому вопросу является уже недопустимым.

Однако и в наше время появляются иногда работы, в которых содержатся обоснования тех или иных гипотез без тщательного разбора предшествующей литературы вопроса. В лучшем случае дело ограничивается суммарным изложением во введении тезисов своих предшественников (без должного раскрытия их аргументации), а в дальнейшем исследование ведется как бы один на один с источником. Но ведь спорят не тезисы, а аргументы. Как-то один из больших знатоков древней письменности (ныне уже покойный) пытался даже обосновать эту манеру изложения. «Зачем ненужные споры», — говорил он однажды своему ученику. «Лучше рядом с чертой, прочерченной предшествующим исследователем, провести свою, более длинную черту. Пусть читатель сам решит, кто из нас прав»⁴¹.

С этой теорией «более длинной черты» ни в коем случае согласиться нельзя. В самом деле, всякое доказательство того или иного тезиса должно состоять как бы из двух частей: критического

⁴¹ Другой вариант этого разговора приведен в статье: Д. С. Лихачев. Шахматов — текстолог. — «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», 1964, т. XXIII, вып. 6, стр. 481.

пересмотра предшествующих объяснений и из обоснования той интерпретации, которая, по мнению автора, является наиболее убедительной. Если же мы откинем первую сторону научного доказательства, то поставим читателя в крайне затруднительное положение (ему самому придется проводить дополнительно исследовательскую работу, которую должен был выполнить автор). В ряде случаев за теорией «более глубокой черты» скрывается слабость собственного построения автора или просто нежелание вызывать раздражение тех или иных высокоавторитетных ученых.

Упрощенно социологическая интерпретация источников вызвала у некоторых исследователей своеобразную реакцию, которая выразилась в воскрешении элементов так называемого фактографического подхода, когда исследователь ограничивается описанием и анализом отдельных источников вне связи с их судьбами. Так, А. Г. Кузьмин задачу изучения рязанского летописания по существу свел к тщательному разбору летописных сведений о Рязани и Муроме⁴². Но тем самым он отказался от шахматовского понимания истории летописания на Руси как системы взаимосвязанных сводов.

В содержательной книге Ю. Г. Алексева об аграрной истории Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. скрупулезно разбираются сведения каждого известного автору акта Переяславского уезда⁴³. Однако в ней мы не найдем даже следов формулярного (дипломатического) анализа.

Разработка методики дипломатического исследования, изучение отдельных грамот в тесной связи с развитием формуляра ее разновидности становится сейчас одной из важнейших источниковедческих задач⁴⁴. Если древнейшие грамоты до XV в. все уже изданы, то изучение актовых материалов XVI в. может быть осуществлено только на основе полного выявления всех сохранившихся источников. Необходимо обследовать все архивные фонды страны и создать каталог всех дошедших актов XVI в.⁴⁵ Констатация отдельных явлений на «примере» того или иного акта,

⁴² А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI века. М., 1965.

⁴³ Ю. Г. Алексеев. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966.

⁴⁴ А. А. Зимин. О методике актового источниковедения в работах по истории местного управления России первой половины XVI в.— «Вопросы архивоведения», 1962, № 1.

⁴⁵ Первые шаги в этом направлении уже сделаны (С. М. Каштанов. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века [ч. I].— «Археографический ежегодник за 1957 год». М., 1958; ч. II.— «Археографический ежегодник за 1960 год». М., 1962; он же. Состав иммунитетных грамот первой половины XVI века.— «Археографический ежегодник за 1962 год (К 70-летию академика М. Н. Тихомирова)». М., 1963; А. А. Зимин. Хронологический перечень актов архива Суздальского Спасо-Ефимьева монастыря (1506—1612).— «Археографический ежегодник за 1962 год»).

конечно, является уже пройденным этапом актового источниковедения. Так, в частности, уже сейчас ясно, что до нас дошел не случайный комплекс актовых источников, а основная масса земельных актов, выданных монастырям-вотчинникам. Это и делает возможным их статистическую обработку. Развитие актового формуляра можно проследить в исторической перспективе в связи с политикой правительства, с учетом особенностей отдельных русских земель, в сопоставлении с реальным содержанием земельных и имущественных пожалований.

Формулярный (дипломатический) анализ акта должен установить, насколько архаичны правовые нормы того или иного вида древнерусских грамот, отражают ли они конкретно-историческую действительность в этом случае. Н. Е. Носов прав, считая, что «назрела необходимость широкой марксистской разработки методики актового источниковедения XIV—XVI вв.»⁴⁶.

Путь, по которому идет исследователь-источниковед от слова к факту, особенно сложен при изучении памятников средневековой общественной мысли, на которые накладывала отпечаток не только борьба социальных и политических интересов, но и религиозная идеология в ее самых различных проявлениях. Этот вопрос явился предметом специальной обстоятельной работы, написанной Я. С. Лурье. Автор прав, считая, что «решающее значение в каждом случае, очевидно, имеет совпадение между теоретическими воззрениями „литературных представителей“ класса и реальными классовыми интересами»⁴⁷, а не столько непосредственно социальное происхождение писателей, как думали некоторые представители «вульгарной социологии». Нужно учитывать, подчеркивает Лурье, и принцип «косвенности» изложения взглядов творцов художественных произведений: «Чем острее была идейная борьба в русской литературе, тем сложнее, тоньше и „косвеннее“ становились средства художественного воздействия...»⁴⁸

Не менее важно и то, что, по словам Ф. Энгельса, в средние века «догматы церкви стали одновременно и политическими аксиомами»⁴⁹. Поэтому нельзя подчас «непосредственно» выискивать в сочинениях средневековых авторов требования тех или иных социальных групп, а нужно обращать внимание на то, какие догмы и богословские тезисы и почему были использованы теми или иными публицистами в острейшей идейной борьбе. Так, в защите «двуперстия» раскольниками нельзя видеть «зпрямую» отраже-

⁴⁶ Н. Е. Носов. О статистическом методе в актовом источниковедении (По поводу статьи А. А. Зимина).— «Вопросы архивоведения», 1962, № 4, стр. 55.

⁴⁷ Я. С. Лурье. К изучению классового характера древнерусской литературы.— «Труды ОДРЛ», т. XX, М.—Л., 1964, стр. 110.

⁴⁸ Там же, стр. 119.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360.

ние их крестьянской идеологии. Но выступление против официальной церкви и ее догм было, несомненно, выражением их стихийного протеста против идеологии господствующего класса⁵⁰.

Немало трудных задач возникает перед исследователем публицистики воинствующих церковников, направленной против еретиков XV—XVI вв.

В самом деле, в какой степени можно доверять показаниям идейных врагов русских вольнодумцев? Каковы критерии проверки достоверности сведений, почерпнутых из официальной церковной литературы? Лурье делит произведения врагов ереси на обличительные сочинения, имевшие целью обвинить и опорочить еретиков (такие, как Соборный приговор 1490 г.), и полемические, «целью которых был реальный спор с конкретным противником»⁵¹. Название «обличительные сочинения» для судебно-следственных материалов, на наш взгляд, не совсем удачно. К тому же и они не в меньшей степени, чем полемические, имели дело с живыми противниками, хотя разница между этими типами источников велика.

Дело осложняется, если мы вспомним, что к XV—XVI вв. сложилась многовековая традиция борьбы с ересями. Поэтому, обвиняя своих идейных противников в антиринитаризме или других отступлениях от ортодоксального христианства, русские обличители часто приписывали им те взгляды, которые высказывались еще противниками раннего христианства или «еретиками» X—XIV вв. Так, Зиновий Отенский приводит следующее рассуждение, якобы принадлежавшее Феодосию Косому: «крест, как и всякое дерево, святости не имеет. Ведь если кто-нибудь убьет сына какого-либо человека палкой, то не будет же отец убитого любить эту палку. Он даже возненавидит того, кто любит ее и целует. Так и бог ненавидит крест, ибо на нем убит его сын, и гневается на тех, кто его почитает»⁵². Но это рассуждение совпадает целиком и полностью с аргументами богомилов, излагавшимися Пресвитером Козьмой (X в.)⁵³. Известно, что Козьму Пресвитера с интересом читали русские еретики конца XV в.⁵⁴ Один из сохранившихся текстов этого произведения относится именно к этому времени⁵⁵. Перед

⁵⁰ Подробнее об этом см.: А. И. Клибанов. К характеристике новых явлений в русской общественной мысли второй половины XVII — начала XVIII вв.— «История СССР», 1963, № 6, стр. 102—103.

⁵¹ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века, стр. 122.

⁵² Зиновий Отенский, Истины показания. Казань, 1869, стр. 509—510.

⁵³ «Св. Козьмы Пресвитера. Слово на еретики и поучение от божественных книг». Сообщение М. Г. Попруженко.— «Памятники древней письменности и искусства», т. CLXVII. СПб., 1907, стр. 8.

⁵⁴ Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 320.

⁵⁵ М. Попруженко. Козма Пресвитер и новгородские еретики XV в. (К вопросу о болгарских литературных произведениях древнейшей эпохи

исследователем встает сложная задача — попытаться определить, взял ли Зиновий всю эту аргументацию из сочинений Козьмы, зная выступления русских еретиков против поклонения кресту, или Феодосий Косой был знаком с рассуждениями богомилов, а быть может, он самостоятельно пришел к аналогичным выводам.

Решить этот и подобные вопросы можно не только путем перекрестных сопоставлений источников (контрреформационных и реформационных), но и путем изучения самой сущности реформационного движения на том или ином этапе. Для этого нельзя рассматривать взгляды Феодосия Косого или, скажем, Федора Курицина изолированно, а необходимо посмотреть, как те представления, которые им приписываются, соотносятся с общим уровнем общественно-политической мысли изучаемого времени, с предшествующим и последующим этапом антицерковных движений. Но и этого мало. В последнее время ставится более широкая задача — сравнительно-историческое изучение Реформации во всех европейских странах и особенно в странах Восточной и Центральной Европы⁵⁶. Это, конечно, поможет разобраться и в уровне развития реформационных идей в различных странах и лучше понять характер сохранившихся источников и вопросы культурной и идеологической взаимосвязи между народами.

Есть еще один немаловажный момент. Источники, вышедшие из-под пера врагов ереси, входят в состав полемической литературы или являются судебно-следственными материалами. Отсюда проистекает необходимость изучения особенностей древнерусской полемики и древнерусского судопроизводства. Знание же специфических черт этих разновидностей источников поможет выяснить степень достоверности изложения взглядов еретиков и идейными противниками. В настоящее время Н. А. Казакова ведет плодотворную работу по изучению материалов судебных процессов по делу о Максиме Греке и Вассиане Патрикееве.

Но возникающие трудности не являются каким-то непреодолимым барьером на пути анализа источников по истории Древней Руси. Сейчас более или менее ясны основные линии совершенствования методики, состоящие в сближении источниковедения с другими науками.

Вот только несколько примеров, показывающих те результаты, которые достигнуты с помощью применения новых методов анализа исторических источников. Опыт последних лет показал, сколько много дает исследователям применение приемов анализа, выработанных в специальных исторических дисциплинах. Отказ от описательного рассмотрения монет и печатей, переход к исследованию

на русской почве). — «Сборник в честь на проф. Л. Милетич (1863—1933)». Софья, 1933.

⁵⁶ А. Л. Хорошкевич. Рецензия на кн. А. И. Клибанова «Реформационное движение в России в XIV — первой половине XVI в.». — «История СССР», 1961, № 4, стр. 202.

эволюции штемпелей позволили советским ученым (в том числе И. Г. Спасскому, В. Л. Янину, В. М. Потину и А. С. Гудковой) создать исторический подход к одному из важных исторических источников.

Новые приемы оптико-фотографического исследования позволили издателям Изборника 1076 г. прочесть ряд угасших мест в уникальном памятнике древности⁵⁷. Путем фотографирования в ультрафиолетовом и люминесцентном освещении «Слова кратка» (известного трактата конца XV в.) было обнаружено прямое доказательство латинского происхождения автора этого интересного произведения (в выскобленном месте после слов «мы же христиане-греци, русь» были слова «и латини»⁵⁸).

Новые аспекты изучения памятников древнерусской литературы могут открыться благодаря применению приемов математической лингвистики. Так, Г. А. Лесскис устанавливал прямую зависимость между размерами предложения и хронологией памятника⁵⁹. Общая тенденция к сокращению этих размеров с течением времени поддается хронологизации в рамках Древней Руси, России XVIII и XIX вв. Конечно, в данном случае значительную роль играет «закон больших чисел», т. е. количество обследованных текстов. В последнее время ленинградские и московские ученые приступают к широкому применению машинной обработки статистических данных, извлеченных из писцовых книг конца XV—XVII вв. Картографирование данных писцовых книг и актов⁶⁰, изучение топонимики древних поселений, родовых связей землевладельцев раскрывают новые возможности для понимания важнейших источников социально-экономического характера. Большое значение в этом плане будет иметь издание «ономастикона» (списка древнерусских имен) С. Б. Веселовского и исторического атласа по истории России, готовящегося Институтом истории СССР АН СССР.

Среди вопросов внутренней критики заслуживают специального рассмотрения полнота и характер сохранности источников того или иного типа. В какой степени исследователь располагает надежным материалом для своих выводов? Объясняется ли, скажем, отсутствие писцовых книг до конца XV в. плохой сохранностью

⁵⁷ «Изборник 1076 г.». М., 1965, стр. 6, 32—48.

⁵⁸ Я. С. Лурье. К вопросу о «латинстве» Геннадиевского литературно-го кружка.— «Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1964, стр. 71; он же. «Собрание на лихоимцев» — неизданный памятник русской публицистики конца XV в.— «Труды ОДРЛ», т. XXI. Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы. М.—Л., 1965, стр. 132.

⁵⁹ Г. А. Лесскис. О зависимости между размером предложения и характером текста.— «Вопросы языкознания», 1963, № 3.

⁶⁰ Прекрасный опыт подобного рода работы содержится в кн.: А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951.

материала или тем, что данный вид источников на Руси до этого времени еще не существовал. Или вот, например, «Повесть о белом клобуке» дошла до нас в списках не ранее второй половины XVI в. Сложилась ли она в конце XV в. (как думает большинство ученых) или возникла значительно позже (как полагает Лурье)⁶¹ — вопрос, заслуживающий особого рассмотрения. То же самое относится и к знаменитой «Повести о Петре и Февронии», датируемой Д. С. Лихачевым XV в., а В. Ф. Ржигой, А. И. Клиба-новым и другими учеными — серединой XVI в. Нужно отделять случайное и закономерное в сохранности древнерусских источников.

У нас еще не обсуждены закономерности источниковедческой ретроспекции. При каких условиях поздний источник может быть использован для характеристики более ранних явлений? Бывают случаи, когда не современный событию источник привлекается к исследованию только потому, что он представляется авторам «подходящим» к их пониманию событий. Это, на наш взгляд, недопустимо. Недавно Лурье высказал очень интересную мысль, что исследователь «...только от общей характеристики источника идет к оценке его отдельных известий»⁶². Он ссылается на то, что крайне опасно исходить из «правдоподобия» сведения при определении его достоверности. Так, известие В. Н. Татищева о выступлении митрополита Зосимы против смертной казни еретиков с точки зрения общей обстановки «достаточно правдоподобно», хотя, зная отношение Татищева к источникам и его рационалистические воззрения, возможно, это выступление Зосимы следует отнести к числу размышлений самого историка XVIII в.

Конечно, критерий «правдоподобия» сам по себе является неприемлемым для источниковеда. Но в оценке отдельных сведений также нельзя идти «только от общей характеристики источника». В недостоверном в целом источнике могут сохраниться и вполне доброкачественные известия. Для проверки степени правдоподобия конкретного известия недостаточно общей характеристики источника. Нужно учитывать целую совокупность явлений, в которую входят и разбор исторической обстановки самого события, и его характер, и наличие аналогичных событий в сходной ситуации, чтобы сделать окончательный вывод о достоверности сообщения о нем источника⁶³. Так, всем известна крайняя тенденциозность приписки о «боярском мятеже» 1553 г. Царственной книги. Но это не перечеркивает целый ряд фактических данных, сообщаемых ею (надо иметь в виду сам характер летописного дела

⁶¹ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века, стр. 230 и сл.

⁶² Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия, стр. 126.

⁶³ Это в какой-то мере учитывает и Лурье, говоря о необходимости координировать сведения источника с «данными исторической обстановки» (Я. С. Лурье. Критика источника и вероятность известия, стр. 126).

XVI в.). Отсутствие их в ранних и более объективных летописных записях может быть объяснено не тем, что составитель приписки все выдумал, а тем, что в новой исторической обстановке можно было написать о тех фактах, о которых ранее предпочитали умалчивать. Выяснить, при каких условиях следует пользоваться позднейшими источниками, в полной мере можно после разработки принципов методики источниковедческого анализа.

Спорными являются и вопросы реконструкции не дошедших до нас текстов или памятников, сохранившихся в поздней рукописной традиции. Являются ли эти реконструкции лишь способом «представить наглядными утверждения и гипотезы исследователя»⁶⁴ или же они могут воссоздать и пополнить фонд утраченных источников, т. е. являются своеобразной формой их издания? Можно ли ими пользоваться (хотя бы и с оговорками) в исследованиях как определенной реальностью или они интересны только для характеристики представлений ученых, их создавших? Ведь и любое издание текста с исправлением явных описок содержит элементы реконструкции, ибо подчас трудно определить, содержались ли эти ошибки в архетипе произведения или привнесены в него позднейшими переписчиками.

В настоящей статье нет возможности даже просто перечислить все трудные вопросы источниковедения Древней Руси. Ее цель заключалась в другом — показать, что пришло время обратить внимание на проблемы методики источниковедения. Нужно, чтобы эти проблемы разрабатывались не только в конкретных исследованиях по отдельным источникам, но и были предметом специальных теоретических работ. Только в этом случае история, сохраняя всю свою специфику как гуманитарная наука, сделает решительный шаг по пути сближения ее с точными науками.

⁶⁴ См., например, Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв., стр. 467.